

18+

Матвей Снежный

*Твои маленькие
трагедии*

Матвей Снежный

Твои маленькие трагедии

«Издательские решения»

Снежный М.

Твои маленькие трагедии / М. Снежный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515671-6

Авария, в которую попала Корнелия Флоренс, изменила ее жизнь. После травм Корни стала видеть тех, кого нет, и родители не выдержали — обманом положили дочь в больницу, где она встретила сына известного дизайнера, а ныне — психотерапевта Уильяма Тейлора. Он не хотел брать пациентку в свое отделение из личных соображений, но вскоре передумал... И сам не заметил, что отношения между ними перестали напоминать разрешенные.

ISBN 978-5-00-515671-6

© Снежный М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 0	6
Глава 1. Первые сомнения	12
Глава 2. Тестирование	18
Глава 3. Перевод	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Твои маленькие трагедии

Матвей Снежный

© Матвей Снежный, 2020

ISBN 978-5-0051-5671-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 0

Корнелия смотрит с отвращением на зарешеченное окно в огромной палате, где четырнадцать кроватей стоят вплоты друг к другу. Железные решетки у изголовья, железные решетки на окнах, что не открываются полностью – в такое пекло невозможно даже проветрить помещение. Приходится слушать, как на кровати слева старушка в казенной пижаме кричит, что видела у Корни еду и требует поделиться. Девушка справа повернута спиной и смотрит куда-то в пустоту. Все койки заняты, кроме первой, что стоит к дверям ближе – говорят, что ровно сутки назад на ней умерла женщина и пролежала так несколько часов, пока санитары не соизволили что-либо сделать.

Родители говорили, что повезут Корнелию на просмотр нового помещения для филиала кондитерской. Девушка должна была что-то заподозрить, когда машина покинула окрестности Гротхена. Она должна была что-то заподозрить, пока ее вели между однотипных кирпичных зданий за высокой решеткой – но когда до нее дошло, что происходит, было уже слишком поздно плакать или кричать. Деревянная дверь захлопнулась, Арин прошептала короткое «Прости», а санитарки заставили Корни раздеться. Осмотрели ее так унижительно, что теперь еще несколько дней она не сможет нормально сидеть. У нее отобрали телефон, электронную книгу, документы и остатки личности – все это будет лежать до тех пор, пока Корнелию не выпишут. Когда это произойдет – неизвестно.

Это все напоминало тюрьму больше, чем обычную больницу: закрытое отделение, можно выйти в крошечный коридорчик между палатами, который расширяется в середине – место, предназначенное для приема пищи, оснащенное двумя грубыми столами и рядом прибитых стульев. Можно выйти в убогий туалет без перегородок, где не было ни намека на уединение. Душевая открывалась только вечером – пациентки записывались, в какой последовательности идут мыться, без записи Корни не имела права даже принять душ. Единственной радостью оставался балкончик, на котором сидели курящие – гулять по территории запрещено: не те диагнозы, не то отделение.

Корнелия вздыхает. Полупрозрачный человек садится рядом, смотрит на нее и улыбается. Ему-то здесь весело – он может проходить сквозь стены и знать, где что происходит.

– Это наблюдательная. Или наблюдательская. Я не знаю, как правильно, – говорит он. – Они держат тут до месяца, чтобы понять, куда тебя дальше переводить.

– Замечательно, – цедит Корни и сворачивается на казенной кровати.

Спасибо, что постельное белье относительно чистое и пахнет хлоркой, а не чьими-то испражнениями.

– Они поведут тебя на первый осмотр скоро. Поговорят. Захотят знать, что с тобой не так. Может, даже таблеток дадут. Только выплюнуть не получится – следят.

– Помолчи, – фыркает Корни.

Возможно, что слишком громко – соседка справа ворочается и смотрит на нее. Мулатка. Скорее всего, метис – у нее каштаново-рыжие волосы, светло-зеленые глаза и довольно милые черты лица. Девушка улыбается.

– За что тебя?

– Я вижу тех, кого нет, – отвечает Корнелия.

– Я тоже! – улыбается соседка. – Меня зовут Беатрис.

– Корнелия, – выдыхает Флоренс. Соседка кажется нормальной. Относительно того, где они находятся.

– А ну тихо! – влетает озлобленная санитарка, и Корни съеживается.

Ей не хочется здесь находиться. Ей здесь не нравится. Ей не нравится ни зеленая краска, которой выкрашены стены, ни потертый деревянный пол.

Она не понимает, почему родители так с ней поступили. Неужели после той несчастной аварии они только и хотели, что навредить ей или куда-то спрятать? Она же никому не мешала. Она ничего не сделала.

Она не хотела садиться за руль в тот день, потому что ей было слишком паршиво, чтобы следить за дорогой. Она ненавидела Викторину, которую должна была возить по салонам и слушать ее едкие комментарии ко всему, и как назло – дочка Уордсона была слишком активна в тот вечер и Корни не заметила, что впереди несется какая-то дешевая легковушка. Она помнит глухой удар, темноту – и свет ламп, что разъедал взгляд, стоило открыть глаза. Виктория отделалась легким испугом. Корнелия – пережила клиническую смерть. А потом она начала видеть тех, кто уже мертв – и никто не верил, что это возможно. Даже собственная семья.

– Флоренс, за мной! – скомандовала тучная санитарка, нависнув над Корни. – Живо, тебе что, особое приглашение нужно? Пошла!

Девушка послушно поднялась и поплелась следом, разглядывая однотипные белые двери, за которыми находились кабинеты. Возле одного санитарка остановилась – внутри уже сидели какие-то люди.

Корни не захотелось заходить, но грубый толчок в плечо заставил пройти внутрь.

За столом сидела женщина лет пятидесяти – и справа от нее молодой мужчина с папкой в руках. Его лицо отчего-то казалось смутно знакомым, но Флоренс не могла вспомнить, где же его видела.

– Корнелия Флоренс, родилась тридцатого октября двухтысячного года. На что жалуетесь? – начала женщина.

– Я? Ни на что, – пробормотала Корни, присев на краешек стула, стоящего ближе к двери. Безумно хотелось сбежать, но двери закрыты наглухо, да и документы отняли, не соврешь, что их кто-то украл.

– А вот семья так не считает. Визуальные галлюцинации, черепно-мозговая в анамнезе... Как выглядят те, кого Вы видите? – обратился к ней мужчина.

– Обычно они полупрозрачные и что-то говорят.

Корнелия не хотела отвечать на все вопросы. Каждое слово застревало комом в горле. Что им нужно? Доказать, что она больна? Но с ней было все в порядке. До того, как ей пришлось работать на Викторину – после окончания школы выяснилось, что поступить бесплатно она не может из-за недостатка баллов по результатам экзаменов, а платное обучение стоило так дорого, что родители не могли себе этого позволить. Корни до сих пор помнит, с каким мерзким чувством ей пришлось идти к Викторине, слушать ее комментарии (будто бы школьных лет недостаточно) и просить высокое жалование. Дочке Уордсонов было смешно – она могла продолжать сбрасывать негатив на неуютную девчонку, а вот Корни каждый раз садилась за руль и напоминала себе, что это ради того, чтобы стать дизайнером.

– Это агрессивные комментарии или уничижительные? – уточнила женщина.

– Нет! Они просто описывают то, что вокруг... Или говорят очевидные вещи, вроде того, какая сейчас погода, – зевнула Корнелия и села поудобнее.

– Вы давно их видите и слышите?

– Все началось после аварии. Я открыла глаза – и один сидел на кровати. Полупрозрачный.

– Хмм, – молодой врач перебирал какие-то бумаги и постоянно что-то записывал. Корнелия посмотрела на него – и едва не забыла, где находится.

Слишком красивый, чтобы быть реальным. Зеленые глаза, спрятанные за тонкой оправой очков. Светлые растрепанные волосы. Дорогая дизайнерская рубашка с золотыми запонками из последней коллекции, что прилагались в подарок при покупке костюма...

И тут Корни осенило. Черт, да это же Уильям Тейлор! Сними с него очки, сделай на несколько лет моложе, надень черную футболку – и вот оно, лицо с билбордов. Сын зна-

менитого дизайнера, у которого Корнелия могла бы проходить практику, если бы не звонок Виктории. Боже, теперь девчонка еще и знает, где ее личный водитель. В какой больнице.

Голова резко закружилась. Сознание отказывалось принимать происходящее.

Весь мир рушился по кусочкам.

Фоном звучали какие-то вопросы, которые Корнелия не могла разобрать – мысли звучали слишком громко. Теперь она потеряла все. Теперь у нее нет ни единого шанса на нормальную жизнь – и за это спасибо родителям, что сюда ее привезли. С отметкой о лечении ее не возьмут на нормальную работу. С помощью Виктории вряд ли хотя бы одна дверь в Гротхене откроется для Корнелия. Теперь даже последние друзья останутся в прошлом, Люк не посмотрит в ее сторону, никто не протянет ладонь... Потому что теперь нет Корнелия Флоренс. Есть «та чокнутая», «девочка из психбольницы» и «таких нужно изолировать от общества».

Перед глазами резко потемнело, дыхание сбилось. Корни слышала, что кто-то кричит, но она не знала, что это ее собственный голос. Резкая боль в плече едва не вернула реальность, но так же затянулась дымкой, как и все остальное.

– Унесите ее в палату, – последнее, что ей удалось разобрать.

– Не хочешь браться за нее, да? – усмехнулась мадам Стоун, захлопнув папку с документами. – Считаю, что это одна из форм шизофрении.

– По одним галлюцинациям судить глупо, – фыркнул Уильям, поднимаясь со стула. – Может, травма или посттравматический. Или вообще биполярное расстройство. Ее что-то триггернуло, но я не знаю, что. Видела ее? Какое-то воспоминание или осознание...

– Пока на транквилизаторах поспит, дальше – посмотрим.

– Хочешь ее два месяца тут держать? – усмехнулся Уильям. – Если я ее возьму, то переводом в мое отделение, сейчас забирать не буду. Своих пациентов хватает, еще твоих осматривать.

– Мне она тоже не очень-то нужна. Ты видел, что у меня только одна свободная койка? Поговори с комиссией, у тебя-то пусто почти.

– Сначала проведите исследования и пришлите мне результаты. Я вообще не обязан в этом участвовать, – поморщился Уильям.

Стоун была права – в первом отделении действительно пациентов находилось не очень много – человек десять от силы при вместимости в пятьдесят. Тейлор никого не задерживал, если видел, что лечение успешно или бессмысленно, да еще и порядки постоянно требовал изменить. Мистер Дюваль, главврач клиники, относился к Уильяму с какой-то отеческой привязанностью и часто шел на уступки, вроде разрешения оставлять при пациентах их вещи и технику, гулять по территории и не запирасть палаты на ночь. Это раздражало почти всех врачей, кроме Джека Ричардсона, что работал психиатром в паре с Тейлором.

– Не хочешь – не бери, но я жду тебя на следующий осмотр. Может, все-таки передумаешь.

– Ладно, – процедил Уильям, покидая кабинет.

Витиеватые коридоры клиники напоминали о том, что здание давно требует ремонта, но в бюджете не выделяли достаточно средств для этого. Уильям пришел сюда три года назад – он был выпускником, его не брали в приличные клиники и единственное место, в которое согласились взять новичка – государственная разваливающаяся клиника с двумя корпусами на территории. Мистер Дюваль, который когда-то преподавал общую психологию, едва не визжал от счастья, когда понял, что смог заполучить в работники одного из лучших выпускников. Первое время Тейлор работал в четвертом отделении, под руководством Аннет Крон, но когда освободилось место в первом – Уилл получил перевод к Ричардсону. Смуглый мужчина казался очень строгим и серьезным, пока не выяснилось, что он выступает в ночных клу-

бах как диджей, обожает красные кепки и в целом излучает столько позитива, что Уильям бы засомневался в его здоровье, если бы не знал, что это лишь акцентуация.

Тейлор старался не брать настолько юных пациенток, как Флоренс. Он понимал, что они могут слишком быстро привязаться к нему – и влюбиться исключительно из-за терапии, не более того. Они не могли увидеть в нем личность, как и сотни поклонниц, от которых он устал еще во времена работы в модельном бизнесе. Из-за этого в личной жизни и не складывалось ничего – за смазливой внешностью Уильяма скрывалась любовь к классической музыке, видеоиграм, трудам знаменитых психологов и сложный характер.

Чтобы его не узнавали, он начал носить очки, но и это не выручало. К счастью, с последней съемки прошло больше семи лет, поэтому все реже и реже кто-то мог понять, что перед ними мальчик с билбордов и обложек. Отец в свое время был против того, чтобы Уильям шел на психфак, но Эмили успела его уговорить, до того, как пропала без вести.

Эти воспоминания редко напоминали о себе – прежде чем идти работать с пациентами каждый психолог или психотерапевт должен пройти не менее ста часов личной терапии.

– Смотри, не пересчитай носом косяки! – усмехнулся Джек, заметив товарища еще в конце коридора.

– Что у нас сейчас по пациентам? – Уильям моментально вернулся в реальность из своих мыслей.

– Что, Стоун опять кого-то навязывает?

– Как ты угадал? – улыбнулся Тейлор. – Привезли к ней девчонку, мелкая еще совсем, из жалоб – галлюцинации и все.

– И ты, как верный рыцарь, прискакал ее спасать! Угадал?

– Нет! Я думаю, стоит ли вообще браться. Девочка кажется адекватной, пока не срабатывает триггер – во время беседы она что-то вспомнила, свернулась в комочек и закричала. Я предположил посттравматический, Стоун сходу шизофрению ставит.

– Ой, да дай ей волю – она всех будет галоперидолом и электросудорожной лечить! – рассмеялся Ричардсон. – Пациентку уже обследовали? ^{1 2}

– Нет, она полчаса назад поступила. Родители заполнили документы и уехали, она, видимо, в ужасе от происходящего.

– Я бы тоже не радовался, если бы меня у Стоун закрыли! Честно, мне она в кошмарах снится! – Джек вздрогнул, демонстрируя ужас, который навевала коллега. – Мы с ней еще в прошлом году поругались на конференции, где она утверждала, что при лечении депрессий нельзя использовать антидепрессанты третьего поколения, видите ли не изучено. А то, что побочных действий меньше – так это не важно!

– Так что у нас с пациентами? – нетерпеливо перебил Уильям.

– Ну пойдем посмотрим, я же не ношу все бумаги с собой, – фыркнул Джек, покидая здание.

Первый корпус стоял на значительном расстоянии от второго, хотя их разделяла всего одна тропинка, окруженная мелкими кустарниками. Кто-то заботливо высадил хвойные деревья вокруг больницы, чтобы создать ощущение леса и покоя. Будто бы не за стенами белых кирпичных зданий ежедневно раздавались крики персонала и пациентов. Огромный забор, скрывающий территорию от посторонних, давно казался привычным.

Уильям молча прошел за Джеком в свой корпус и вздохнул спокойно. Голубые стены, которые он же и красил в прошлом году, встретили привычным молчанием. В это время у пациентов был тихий час – но они могли разговаривать, если не шумели. Молодая медсестра на посту улыбнулась Уильяму и сухо кивнула Джек, приветствуя.

¹ Галоперидол – антипсихотик, созданный в пятидесятые. Применяется по сей день.

² Электросудорожная (шоковая) терапия – метод лечения психозов, депрессий и ряда психических расстройств.

– Сегодня у нас все спокойно. В женском крыле никого нового, в мужском – азиат, который называет себя Ханом. Пожилой, но очень милый!

– Спасибо, Розы. Подай-ка нам список пациенток в женском крыле, – Тейлор оперся о стену и протянул руку. Девушка молча вложила в нее листок.

«Сабрина Кросс, 29 лет, пр. диагноз – пограничное расстройство личности.

Джулия Велл, 25 лет, пр. диагноз – эндогенная депрессия.

Кия Ли, 30 лет, пр. диагноз – психопатия.

Аврора Бонн, 30 лет, пр. диагноз – аффективное расстройство неуточненное».

– Вау, да у нас курорт для интроверта! – рассмеялся Джек, заглядывая за плечо Уильяма.

– Ладно, посмотрим, что дадут тесты и анализы. Тогда и решим.

– Я была бы рада новенькой! – проворковала Розы. – Из местных пациенток только Джулия со мной разговаривает! Она очень милая, но часто грустная или молчит.

– Розы! Мы не можем дружить с пациентами! – фыркнул Тейлор, наклоняясь к медсестре.

– Вы – злюка! Бессердечная злюка! – девушка показательно отвернулась, но проследила, что листок со списком пациенток возвращен в нужную папку.

«Шел бы я лучше школьным психологом», – подумал Уильям прежде, чем закрылся в кабинете. Он не разделял восторги Джек и Розы.

Глава 1. Первые сомнения

« – Флоренс, ты права в переходе купила?! Я вообще-то опаздываю! – Виктория как всегда возмущалась, отвлекая Корнелию от вождения. – Либо поезжай быстрее, либо я убавлю твое жалование!»

– Мисс Уордсон, мы не можем...

Девушка не успела договорить – ровно в тот момент, когда она повернулась к заднему сидению, перед авто резко затормозила дешевая легковушка. Вспышка, глухой звук удара – и все погрузилось во тьму.

Из темноты к ней тянулись прозрачные руки – десятки, сотни склизких и вездесущих ладоней. Они заполняли пространство, вытесняя воздух, сжимая горло Корни и заставляя ее хватать воздух ртом. Незнакомые голоса шептали: «Ты убила ее, ты убила ее. Твоя семья потеряет все, потому что ты не справишься с вождением. Ты не способна. Ты все сделала не так, Корнелия. У тебя нет шансов».

». Сердце выбивало десятки ритмов и быстрые удары звучали в висках. Девушка пыталась убежать, но куда бы она ни ступила – прозрачные руки вылезали сверху и снизу, преграждая путь. Страх сменялся липким ощущением ужаса и безнадежности, внизу живота скрутился тугой комок. Почувствовав холодные касания в районе груди Корни закрыла глаза и сдалась. Голоса были правы. Она не справилась. Она все потеряла

Корнелия испуганно подскочила в постели, сначала не понимая, где она и что происходит. Белая футболка прилипла к спине, покрытой холодным потом. Сбитое дыхание никак не хотело восстанавливаться, но постепенно девушка смогла успокоиться и выдохнуть.

Когда остатки кошмара развеялись, взгляд Корни остановился на ржавеющих решетках большого окна – все еще общая палата в психоневрологической больнице, все еще скрипучая кровать со старым матрасом и одна соседка у стены, шесть – по направлению к двери и одно пустое место. Еще семь кроватей напротив, застеленных или со сбитым постельным бельем – женщины разных возрастов просыпались, брали с собой полотенца и зубные щетки и медленно выходили в холодный коридор.

Корнелия сунула руку под подушку – нашла такой же набор для утренних гигиенических процедур, еще не распечатанный. Видимо, пока она спала, приходили родители и оставляли часть необходимых вещей. Когда Корни поднялась и проследовала за выходящими, то заметила, что медсестры открывали решетки, отгораживающие два умывальника у дальних палат, ближе к балкончику.

Только девушка хотела пойти чистить зубы в туалет, так как там никого не было, как одна из санитарок погнала ее в общий строй. Ожидание, казалось, тянулось мучительно долго, и вода была едва теплой, когда Корни опустила под струи руки и щетку. Долго умываться и чистить зубы ей не удалось – сзади также собиралась очередь.

Когда она вернулась в палату, у входа санитарки оставили два старых железных ведра, в которые бросили по таблетке хлорки – резкий запах ударил в нос, напоминая о худших обязанностях во время учебы – в школе часто оставляли мыть кабинет химии из-за неугодного преподавателю поведения, и ладони Корнелии часто покрывались ранками и трещинками, что не заживали по несколько дней.

Она была невезучей – то пробирку перевернет, то случайно устроит взрыв, то отвлечется на поющих птиц за окном – и все, эксперимент заливает парту, а мадам кричит так, что даже осколкам стало бы неловко или стыдно.

Пациентки, что лежали у дальних коек, поднялись за швабрами. Корнелия вздохнула. Она даже подумала, что могла бы помочь и вымыть пол самостоятельно – лишь бы отвлечься

на что-либо, но одна из медсестер позвала ее за собой. Как всегда – по фамилии, никаких приветствий или намека на вежливость.

Девушку снова повели по короткому коридору после палат – где находились кабинеты врачей. В этот раз остановились у того, что посередине. Внутри пахло спиртом, немолодая женщина в латексных перчатках перебирала шприцы и пробирки. Белоснежная плитка на стенах была так вычищена, словно ее намывали каждые полчаса.

Корни и прежде сдавала анализ крови – поэтому ничего особенного для нее не произошло, стандартная процедура на несколько минут. Зачем это было необходимо делать в такой больнице – она не знала.

Появившийся прозрачный силуэт за спиной медсестры прошептал:

– Они знают, что у тебя нет туберкулеза и прочих болезней. Родители принесли твою карту. Но им нужно знать содержание гормонов в крови и вообще в каком ты состоянии.

Корни едва сдержалась, чтобы не спросить вслух, зачем же это необходимо.

– Ты ничего не видела, – хмыкнул силуэт и растворился.

Девушка вздохнула, тряхнула головой, отгоняя навязчивые мысли.

Медсестра внимательно посмотрела на Корнелию, прищурившись.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке. Просто еще не проснулась окончательно, – соврала она, чувствуя, как ее пытаются уличить во лжи.

– Бывает, – улыбнулась женщина, тут же забыв о подозрениях. Она заклеила простеньким пластырем свежую ранку на сгибе локтя Корни. – Все, можешь идти.

Санитарка тут же подхватила девушку и погнала быстрее в отделение. Флоренс поняла, что с ней церемониться никто не будет – обращение зависело от человека, большинство относилось к больным с неприкрытым отвращением. Когда она вернулась к палате, там, где находились столы, уже суетились пациентки – из крошечного окошечка в стене выдавали порциями завтрак. Слизкая субстанция в дешевой тарелке выглядела отвратительно, но кусочки сыра и батона радовали. Корни решила все-таки перекусить, взяла свою порцию и села в самом конце одного из общих столов.

– Ты здесь впервые, да? – усмехнулась девушка, сидящая сбоку. – Не верь никому. Слышишь? Не верь никому. Они будут говорить что угодно, лишь бы тебя здесь удержать.

– Я и не собиралась, – Корни повернулась к соседке. Ее лицо казалось смутно знакомым – темные короткие волосы, узкий нос, очки... Нет. Она не может вспомнить.

– У них везде есть глаза и уши. Они отмечают, ходишь ли ты завтракать, курить или мыться. Они все замечают и передают врачам.

– Спасибо, – улыбнулась Корнелия, так и не решаясь приступить к поеданию жижи. Перебив себя, она поднесла ложку ко рту и проглотила немного. Это была манная каша, сваренная на воде, без добавок. Есть непривычно, но учитывая то, что весь предыдущий день Корни не съела ни крошки, ее желудок обрадовался и столь скудной трапезе.

Наконец, закончив с завтраком, девушка задумалась, чем же ей заняться дальше. Пациентки снова разбрелись по палатам – возле сестринского поста им выдавали лекарства, но для Корнелия все еще не было никаких назначений, несмотря на вчерашний инцидент.

Она прошла по коридору, заглянула на крошечный балкончик, где собирались курящие – закашлялась от дыма и вернулась в палату. Единственное, что оставалось – погрузиться в свои мысли до обеда. А подумать действительно было о чем: например, какого черта в одном из отделений работает Уильям Тейлор и почему он все записывал, скоро ли Виктория узнает, где Корнелия на самом деле находится – и выпустят ли ее после этого вообще.

– Если тебе интересно, то Флоренс сделали анализ крови, завтра отправим ее к тебе на тестирование. Наш психолог в отпуске, ты единственный, кто может провести обследование, – усмехнулась мадам Стоун, доедая свой кусочек творожной запеканки.

– Разве я последний психотерапевт в этом учреждении? – фыркнул Уильям, так и не приступив к завтраку. Иногда мужчина с тоской вспоминал о том времени, что жил с отцом – там был личный повар, после блюд которого все казалось пресным. Попытки научиться готовить самостоятельно успехом не увенчались, поэтому Тейлор-младший чаще всего ел в столовой для персонала или заказывал что-нибудь на дом.

– Ты единственный свободный психотерапевт в этом учреждении. Заодно и развеешь свои сомнения в диагнозе – шизофрения у Флоренс, на фоне органического поражения мозга.

– Черепно-мозговая травма еще не говорит о таком варианте, – фыркнул Уильям. – Вы бы отправили ее хотя бы к неврологу.

– На днях будет плановый осмотр, не вижу смысла выписывать отдельное направление.

– Вы уже изучили ее медкарту? – продолжал напирать мужчина.

– Зачем? – Стоун чуть не подавилась последним куском запеканки. – Я не сомневаюсь в своих решениях, у меня опыт более двадцати лет. Шизофрения – и точка! Незачем мне в бумаги лишние лезть!

– Тогда позвольте мне взглянуть? – упорство мадам начинало раздражать Уильяма, и уже из-за какого-то внутреннего бунта он захотел внимательнее изучить дело новой пациентки. В конце концов, ознакомление с чужими заключениями и прошлыми анализами не означает, что Тейлор переведет девочку к себе. Он посмотрит, сделает свои выводы – и просто выскажет все, что думает, комиссии, когда будут решать, на какой срок Корнелия Флоренс должна остаться на лечение.

– Можешь зайти после завтрака и утреннего обхода. Мои пациенты точно не убегут, – усмехнулась женщина, поднимаясь со стула. Она так и оставила тарелку на бледно-желтом столе, и Уильям мог наблюдать только то, с какой скоростью Стоун спешит вернуться в отделение – будто бы она действительно начнет работать, а не просидит в кабинете большую часть дня, изображая бурную деятельность, после чего отправиться домой и будет смотреть дешевые шоу для домохозяек бальзаковского возраста.

Тейлор устало вздохнул и прикрыл глаза.

Из-за огромных окон солнечный свет мягко окутывал столовую. Шелест листьев звучал так отчетливо и близко, казалось – протяни руку и пальцы погрузятся в зеленое марево крон. Безоблачное летнее небо напоминало о тех славных деньках, когда мама ухаживала за садом, а маленький Уильям помогал ей, передавая крошечные коробочки с семенами редких цветов. Воздух наполнялся сладостью – и весь мир казался нежным, безобидным и прекрасным, а белые мотыльки – посланниками чудес и будущих приключений. Красные и белые розы сплетались, как плитка на полу столовой – и у Уильяма была личная страна чудес. Сейчас, открыв глаза и глядя на голубые стены помещения, он улыбался, переполненный теплыми воспоминаниями и чувствами.

Может быть, он зря отказывался сразу забрать пациентку к себе – профессиональное чутье подсказывало, что мадам Стоун ошибается ввиду своих застарелых взглядов. Еще двадцать лет назад она могла бы спокойно объявить подобное заключение сразу, наполнить организм пациентки транквилизаторами и нейролептиками, а затем наблюдать, как ослабленное тело цепляется за затуманенное сознание, и послушная куколочка спит и живет по строгому расписанию. К сожалению, большая часть коллег была бы с ней солидарна – кроме тех, кто совсем недавно начал работать.

Сейчас же лекарства изменились, исследования шагнули дальше, методы стали точнее – но все еще было слишком хрупким, чтобы говорить о большом продвижении. Схожие симптомы порхали между разными диагнозами, и врачу часто приходилось основываться на сло-

вах пациента и однотипных ответах или шкалах – далеко не все можно подтвердить анализами, исследованиями или функциональной диагностикой. Какие-то признаки выделялись сразу – повышенная мнительность, агрессия, неконтролируемые движения вроде тремора... Но Уильям как никто понимал, что его наука слишком молода и плохо развита, чтобы говорить о редких ошибках.

– Здесь свободно? – молодая девушка в белом халате улыбалась, держа поднос с завтраком в руках. Уилл не сразу понял, что она обращалась к нему.

– Да, я уже уйду.

– Вы же Уильям Тейлор, да? Психотерапевт из того скандального отделения? – она все еще продолжала улыбаться, хотя было что-то отталкивающее в миловидном лице. То ли тяжелый взгляд, наполненный желчью, то неестественность улыбки и слишком слащавый тон. Девушка накручивала каштановую прядь на палец, пытаясь кокетничать. Если бы Тейлор не был связан с психологией – он бы повелся, но чувствовал только отвращение к подобной наглости.

– Да. Прошу прощения, но меня ждут пациенты, – завтрак Уильяма так и остался нетронутым.

– Меня зовут Лина Марс. Я новенькая медсестра в пятом отделении. Буду рада, если заглянете к нам!

– Конечно, – дежурная улыбка, вместо тысячи слов.

Тейлор вздохнул спокойно только покинув столовую. Девушка отчего-то показалась очень неприятной, хотя ничего отталкивающего не сказала. Отогнав сомнения, мужчина медленно прошел по коридору и остановился у лестницы. Он мог прямо сейчас подняться за делом Флоренс или вернуться позже, закончив со своими пациентами... Но ведь их было не так много, да и в их лечении он не сомневался.

В конце концов ощущение, что что-то важное скрывают от него, победило – и Уильям поднялся к нужным дверям. Открыли ему не сразу – подобные отделения имели ряд замков как внутри, так и снаружи – и действительно больше напоминали тюрьму, нежели лечебницу. Санитарка кивнула Тейлору, пропуская его вперед. Только здесь в глазах младшего персонала порой читалось обожествление докторов и раболепие, что исчезало сразу, как те уходили.

Стоун как будто ждала его прихода с самого начала – потертая картонная папка уже лежала на ее столе, поверх всех бумаг. Заполняя очередные ведомости, она не забыла оставить документы для Уильяма поближе к выходу – чтобы он мог их забрать и больше не отнимал у нее время. Мужчина сухо кивнул ей, не вступая в очередной спор, забрал драгоценную папку – и поспешил вернуться на первый этаж.

Отчего-то сердце стучало как бешенное, словно Тейлор делал что-то противозаконное.

К счастью, утром коридоры были пусты – все доктора совершали обходы в своих отделениях, новых пациентов еще не привозили, а сонные дежурные не открывали двери посетителям. Уильям устроился на подоконнике, поглядывая на огромные часы, что висели над окошком справочной – есть примерно полчаса, чтобы поверхностно ознакомиться с делом, а подробности он прочтет уже в своем кабинете к вечеру.

Смятый листок из «скорой» лежал в самом начале.

«Повод: ДТП, столкновение автомобилей, пострадала девушка восемнадцати – девятнадцати лет.»

Диагноз: ЗЧМТ, сотрясение головного мозга; ссадины на лице, обоих предплечьях, руках. Возможно перелом ключицы (?); потеря сознания.

Жалобы: -.

Анамнез: со слов очевидцев находилась за рулем легкового а/м, произошло столкновение с другим а/м. Следы крови на лобовом стекле, рвота, очевидцами вызваны экстренные службы.

». *Объективно: Общее состояние тяжелое, сознание отсутствует, по шкале Глазго = 8...*

Уильям пробежался взглядом по строкам, не дочитывая – далее были подробно описаны мероприятия, направленные на реанимацию, упоминание клинической смерти, реакции тела на раздражители...

Первые страницы повторялись, но на одной из них он заметил крошечную надпись, что подтверждала сомнения – «незначительное уменьшение гиппокампа относительно нормы». ³

Подробного результата МРТ головного мозга Уильям почему-то не нашел, хотя в карте определено должно было быть более цельное заключение. Тейлора интересовало состояние коры головного мозга – только так он мог полностью подтвердить то, что мадам Стоун ошибается и спасти Флоренс от ложного диагноза и некорректного лечения, что может испортить ее психику, а не сохранить. При шизофрении изменения были бы неизбежны и сразу заметны.

Мужчина еще раз глянул на часы, сунул папку под руку и направился в свой кабинет.

В голове медленно приживалась мысль о том, что взять новую пациентку – не самая дурная идея. Чувство справедливости у Уильяма было развито куда лучше, чем эгоизм или самолюбие. Да и помогать другим он любил куда больше, чем заботиться о собственной репутации или чувствах.

³ По последним исследованиям при ПТСР наблюдается уменьшение гиппокампа.

Глава 2. Тестирование

Тусклый свет экрана телевизора освещал небольшую комнату, в которой помещалась двуспальная кровать, тумбочка с устаревшим чудом техники и шкаф для одежды. Ведущий рассказывал об очередных «волшебных пилюлях», что оставят пенсионеров без накоплений и болезней, одарят долголетием и обновят клетки организма. В коридоре было темно, звук приглушался старой дубовой дверью и уже не доходил до кухни, где пространство заполняло жужжание винтажного холодильника в стиле пятидесятых. Почти пустой кухонный гарнитур покрывался пылью, единственная чашка стояла в раковине, заполненная грязной водой до краев. Кран молчал, как и скудная мебель, рассчитанная на одного – стул и стеклянный столик. Когда хозяин этого небольшого жилища вернется, деревянные половицы скрипнут, пустая полочка для обуви станет гордой владелицей одной пары ботинок, а крючок на двери возьмет на себя честь держать дорогое, но безумно тонкое пальто с биркой «Г. Тейлор».

Уильям никогда не приходил с кем-то – его квартирка было слишком маленькой для двоих. Он не мог позволить себе крупный особняк вроде того, в каком жил вместе с отцом – оказалось, что недвижимость даже в пригороде стоит довольно дорого, и если бы не заработанное в период работы моделью, то Тейлор-младший мог бы только снимать с кем-то комнату пополам, как это делал Джек и большинство работников. Можно считать, что они организовали некие коммуны, снимая сразу целый небольшой домик – и разбиваясь по отдельным студиям или комнаткам.

В этот раз Уильям вернулся как всегда поздно – несколько часов сам высчитывал результаты повторного тестирования пациентов. В такие моменты он жалел, что не пошел сразу в медицинский и не стал психиатром, большую часть работы за него бы выполняли остальные. Он должен был отучиться еще минимум несколько лет, чтобы иметь возможность назначать лекарства самостоятельно, а не относить Джеку все свои рекомендации.

Повышение квалификации до психотерапевта считалось простой бумажкой, что можно повесить в кабинете в деревянной рамке. Зато Уильям мог уйти из больницы, получив достаточно опыта, и позднее начать частную практику, имея стопку положительных рекомендаций.

– , – напел он себе под нос, разуваясь. Приглушенный звук телевизора все же достучался до него – показывали очередную рекламу. Короткая мелодия затихла, Уильям оставил туфли на полочке, повесил пальто на крючок и зашел в крошечную ванну. *Я был один, пытаюсь сохранить себя в этом безумном падении*

Белоснежная плитка почти повторяла больничную – абсолютная чистота, болезненно отражающая яркий свет лампочек. Зеркальный шкафчик над раковиной напомнил Уильяму, что все же придется снова начать использовать патчи для глаз, если мужчина не хочет в ближайшее время стать похожим на одного из пациентов. Фиолетовые следы усталости проступали под нижними веками, пока еще бледные, но уже достаточно заметные для пристального взгляда.

Воду подавали последний час – времени на долгое разглядывание своих недостатков не оставалось. Уильям разделся, оставил одежду ровной стопкой на бачке унитаза и зашел в душевую кабину. Теплая вода мягко окутала его, мятный гель для душа взбодрил и смыл остатки рабочих мыслей. Все, что происходило в больнице, должно там и оставаться.

Но стоило укутаться в мягкое синее полотенце, как в голове снова всплыла юная пациентка. Стоун так жаждала от нее избавиться или накормить горстью разных лекарств, что едва не переходила на крик. Возможно, потому что она привыкла к тому, что из года в год в ее отделении лечатся одни и те же люди, бесконечный круг «обострение-больница-дом-обострение». Сначала Уильям возмущался, когда слышал очередную историю о том, как родственники в десятый раз отправили больного лечиться или не соблюдали рекомендации, но довольно

быстро понял, что не имеет права их осуждать – ситуации происходили разные, а заставить пить лекарства вне стационара не так уж и легко взрослого человека, душевнобольного – тем более. Он до сих пор помнит, как во время практики один из больных перевернул стол, а затем вооружился ножницами. Если бы не быстрая реакция – Уильям бы не отделался небольшим шрамом на плече.

Привычно пройдя в комнату полуобнаженным, мужчина оставил мокрое полотенце на ручке двери. Тусклый свет телевизора едва погас – на экране очередная постельная сцена низкосортного триллера показывала силуэты тел. Уильям усмехнулся. Он так давно не имел отношений, что совсем забыл – каково это, когда чьи-то нежные прикосновения помогают уснуть или расслабиться после сложного дня.

Рухнув в кровать, мужчина закрыл глаза.

Сон пришел мгновенно.

Утро никогда не было лучшим временем в расписании Уильяма. Хотелось грязно выругаться, услышав стандартный звук будильника, надрывающегося над ухом. Заставив себя подняться, мужчина медленно оделся, выудив из шкафа стандартный набор одежды. Привычка хранить вещи комплектами сохранилась с модельного прошлого – гораздо легче сразу быть готовым к выходу, нежели искать по всем полкам необходимое.

Уильям еще успевал позавтракать дома – но в больнице совсем скоро накрывали столы для персонала, поэтому он вышел пораньше. В конце концов, в холодильнике ничего кроме пачки замороженных равиоли.

Холодный ветерок неприятно коснулся лица, стоило покинуть дом. Июньское серое небо не предвещало хорошей погоды – воздух наполнялся запахом приближающегося дождя, темная уличная плитка не радовала, а однотипные домики казались бы отвратными, не будь они выкрашены в яркие цвета. Уильям до одури не хотел идти на работу. Он отдал бы полжизни, лишь бы еще немного поспать, полежать в мягких простынях и позже выпить чашечку сладковатого пряного чая, почитать о новых исследованиях в области психотерапии или нейробиологии. Хотелось бы уйти в отпуск, которого он уже больше года не видел, но оставлять даже нескольких пациентов стало бы свинством.

Здание больницы находилось предательски близко, поэтому вместе с очками пришлось надеть стандартную улыбку. Заметив своего коллегу Тейлор немного помедлил, но Джек решил его дождаться у ворот.

– Доброе утро, друг! – Ричардсон сиял так, будто у него мания в самом разгаре. Еще только семь утра, а он уже как заведенный.

– Доброе утро, – кивнул Уильям. – Что у нас на сегодня?

– Если ты о столовой, то старуха напекла блинчиков, аж отсюда чую запах! Если ты о работе, то сначала ты со мной на обход, а затем я отдаю тебя в лапы Стоун. Потестируешь ту девочку, что у нее сейчас.

– Привязалась же она с этой Флоуренс, – поморщился Тейлор. Отвязаться не удалось – придется потратить вечер на вычитку ряда тестов. Теперь методичка просчетов стандартизированного многофакторного исследования личности – его лучший друг до ночи.

– Флоренс, – поправил Джек, открывая дверь отделения.

Уильям зевнул. Привычная милая улыбка Розы, уже сидящей на посту, немного подняла настроение. Есть же те, кто действительно радуется своей работе, несмотря на серость вокруг. А после блинчиков психотерапевт вообще мог почувствовать себя самым счастливым работником больницы, стоило только утренней хандре рассеяться и уступить место хорошему расположению духа.

Желтая склизкая масса растекалась по тарелке, вызывая только неприятные ассоциации. Коричневая жидкость в пластиковом стакане пахла чем-то средним между кофе и какао. Корнелия держала ложку в руках, заставляя себя зачерпнуть то, что остальные называли кашей. Есть при этом хотелось меньше всего, а вот спать – вполне. Всю прошлую ночь в палате стоял такой крик, что могли бы треснуть стекла, если бы не бегающие медсестры с уколами. Кто-то рассказал о том, что на одной из кроватей умерла пациентка, и история, обрастающая новыми подробностями, вызвала ряд обострений одновременно.

– Флоренс? – выплюнула фамилию Корни тучная санитарка. – Доедай быстрее, пора идти.

Корнелия молча кивнула, заставляя себя все-таки съесть хотя бы половину мерзкой массы. Рвотный рефлекс не сработал, но спазм так отчетливо подбирался к горлу, что только чудо остановило возвращение завтрака в тарелку. Девушка поднялась – санитарка уже шла к дверям отделения.

У нее были настолько тяжелые шаги, будто она пыталась каждым шагом избить пол больницы. Глухой звук едва не вибрировал, но он же заставил Корнелию окончательно проснуться.

Сначала девушка не поняла, почему они проходят мимо кабинетов врачей и покидают отделение. Старые потертые лестницы переплетались между собой, только персонал мог разобраться, куда идти. Санитарка почти бежала, заставляя Корни двигаться быстрее.

Наконец, они остановились у очередной двери. Табличка гласила, что по ту сторону деревянной преграды находится кабинет психолога.

Корнелия до последнего надеялась, что ей не попадется знакомый, присутствующий на ее поступлении в отделение. Но судьба явно не была к ней благосклонна – за длинным столом сидел Уильям, чтоб его, Тейлор. Он уже раскладывал какие-то белые листы, а затем кивнул санитарке, чтобы она покинула помещение.

Корни молчала.

Мужчина улыбнулся.

– Привет. Меня зовут Уильям, сегодня мы проведем небольшую беседу. Я буду давать тебе различные задания, а ты – выполнять их по мере возможностей. Правильных или неправильных ответов нет, важно то, что ты скажешь. Какие-то задачи будут связаны с памятью, какие-то с ассоциациями. Присаживайся – начнем.

Корнелия молча устроилась на предложенный стул. Единственный, не считая того, что занимал Тейлор. Девушка не могла не заметить, что несмотря на старую зеленую обивку, сидеть действительно удобно.

– Сейчас я дам тебе разноцветные карточки. Не нужно их запоминать – просто расположи по порядку от того, что тебе больше нравится, до того, что кажется самым неприятным.

Уильям разложил перед Корни куски картона: черный, красный, желтый, коричневый, серый, желтый, синий, розовый. Девушка смотрела на них не более минуты, пока не начала менять местами. Мужчина, внимательно наблюдая за расстановкой цветов, едва сдержал вздох. Она явно взволнована и расстроена, даже без теста это можно сказать – сидит так, будто вот-вот ее сгонят с несчастного стула, съежилась вся и близко к краю.

– Хорошо. Расскажи немного о себе. Чем ты занимаешься?

– Я собираю деньги на обучение в школе моды, хочу стать дизайнером. Последние полгода я работала на Викторию Уордсон в качестве ее личного водителя.

Уильям едва не усмехнулся. Он помнил темноволосую девчушку, с которой когда-то близко дружил – в подростковом возрасте они были близки, но затем каждый пошел своей дорогой.

– Что тебя сейчас беспокоит?

– Мне снятся кошмары с аварией или с ее возможными последствиями. И я вижу призраков там, где их быть не должно.

– Они с тобой разговаривают?

– Редко. Чаще всего они говорят то, что я могла бы сама подумать, если бы чувствовала себя лучше.

– Здесь кто-нибудь есть?

Корнелия осмотрела помещение, после чего ответила:

– Нет.

– Тогда мы приступим к следующему заданию. Я буду называть тебе слова, твоя задача – зарисовать что-то, что помогло бы тебе позднее вспомнить сказанное. Художественные навыки не важны.

Уильям придвинул один из пустых листов Корнелия, положил рядом простой карандаш.

– Веселый праздник, – мужчина выдержал паузу секунд в тридцать, прежде чем продолжил, останавливаясь после каждого значения. – Тяжелая работа. Развитие. Вкусный ужин. Смелый поступок. Болезнь. Счастье. Разлука. Дружба. Темная ночь. Печаль.

Из-под карандаша Корни постепенно вырисовывались схематичные образы. Воздушные шарики, камень и молот, какие-то значки... Уже по тому, что девушка рисовала, Уильям понимал, что никакой шизофренией у испытуемой и не пахнет – слишком четкие образы, которые мог бы изобразить любой здоровый человек. Нет абстрактных линий или зачеркиваний – все имеет свое место, не расплзается по всему листу и довольно легко определяется. Если он не заберет ее в свое отделение, то Стоун закормит ее лекарствами, которые ей не нужны. Этой девочке не место среди тяжелых. Ей вообще не место в подобном заведении. Но лучшее, что мог для нее сделать Уильям – попросить Джека принять пациентку. Ради ее же психики, она все-таки слишком молодая, чтобы ставить на ней крест и закрывать ее в бесконечном круге «больница – дом – больница». Ей можно помочь – и Уильям все больше понимает, что больше не может отказываться от перевода.

– Здесь тест, который тебе придется забрать с собой в отделение, – мужчина протянул Корни целую стопку листов. – Ты должна сама ответить на все вопросы, максимально честно. Если кто-то будет тебе помогать, то результат получится неверный. Поэтому будь внимательна, хорошо?

– Ладно.

– Ты говорила, что тебе снятся кошмары. Давно это началось?

– После аварии, – Корнелия наконец-таки села свободнее. Уильям постепенно перестал вызывать ассоциации с Викторией – он не позволял себе лишнего и вел себя как обычный специалист. – Мисс Уордсон бывает невыносимой, а в тот день я очень устала. Я надеялась, что она замолчит, и когда повернулась к ней на секунду – в нас влетела машина. Это моя вина. Если бы я не отвлеклась, ничего бы не случилось. Но теперь я даже не знаю, что Виктория может сделать. Я боюсь, что она закроет кондитерскую родителей и мы останемся без всего. И это все моя вина. Моя большая вина.

– Почему вы можете остаться без всего? – мужчина задал такой простой и глупый вопрос.

– Как это?! – Корни покраснела и едва не подпрыгнула от возмущения. – Потому что Виктория скажет отцу, а ее отец – друг мэра Гротхена! Я знаю, что она очень злая и обидчивая.

– Почему ты пошла работать именно к Виктории Уордсон? – Уильям медленно заполнял бланк обследования, думая, когда можно вернуться к последнему тесту и заново пройти Люшера.

– Это единственное место, где я могу честно заработать большие деньги. И это лучше, чем торговать собой или обманывать людей. Я не выдержу нечестной работы – уж лучше помогать родителям в кондитерской и мыть полы, чем подставлять других, – девушка поджала губы.

– Хорошо, – Уильям не сдержал улыбку. Корнелия, оказывается, довольно честная девушка, если верить сказанному. – Теперь вернемся к твоим рисункам. Сможешь вспомнить все слова?

– Хм, – Корни заметно напряглась и нахмурилась. – Шарик – это веселый праздник. Камень и молот – это шахтеры, то есть тяжелая работа. Схема роста – это развитие, так обычно обозначают на разных листовках и рекламах с мотивацией. Куриная ножка – вкусный ужин.

Девушка замолчала на несколько секунд, разглядывая схематичную медаль.

– А! Это смелый поступок. Подвиги награждают медалями. Градусник – болезнь. Улыбающийся ребенок – это счастье. Руки, которые не могут дотянуться друг до друга – разлука. Человечки, которые рядом – дружба. Звездное небо – темная ночь. Плачущий – печаль.

– Хорошо, – Уильям кивнул. – Остался последний тест, после чего ты вернешься в отделение. Когда заполнишь большой, передай любой медсестре – они отдадут его мне, я посчитаю результаты и сообщу твоему лечащему врачу.

– И тогда мне дадут таблетки?

– Не обязательно. Лечение не всегда состоит из одних лекарств. Пока за тобой просто наблюдают, решая, что делать дальше.

– Поняла, спасибо, – вздохнула Корнелия.

Уильям разложил перед ней снова кусочки разноцветного картона. В этот раз более яркие цвета оказались в начале – девушка явно успокоилась, но все еще заметно переживала.

– Все, можешь идти. До встречи, – мужчина убрал все со стола в одну из полочек под оным.

Корни покинула кабинет, вздохнув с облегчением. Казалось, все не так уж и плохо.

– Ты же сам сказал, что не хочешь новую пациентку, – усмехнулась Стоун, явно довольная тем, что ей удастся освободить одну койку.

– Она слишком адекватна, чтобы оставаться в остром, – Уильям положил отчет на стол перед коллегой.

– Подготовь все документы – и завтра можешь ее забирать. Заодно СМИЛ ее прихвати – новенькая зачем-то принесла его мне.

– Я все еще считаю, что у Флоренс посттравматический. Возможно, есть зачатки депрессивного спектра, но шизофренией тут и не пахнет, даже шизоаффективное далеко.

– Заполняй бумаги – и чтоб завтра ни ее, ни тебя я на своем этаже не видела, – усмехнулась женщина.

– Ладно, – кивнул Уильям, покидая кабинет с очередной папкой, полной бумаг. Джек явно положительно относился к тому, чтоб взять пациентку – он знал, что в основном ее лечением придется заниматься Тейлору как психотерапевту. Возможно, назначит ей легкие транквилизаторы для нормализации сна, но не более того. Поклонником медикаментозной терапии была только Стоун.

– Вот ты и попал, Тейлор. Твоя доброта тебя погубит, – пробубнил мужчина под нос, предчувствуя вечер, проведенный в расчетах и заполнении бумаг о переводе.

Глава 3. Перевод

– Ты ведь уже поставил диагноз, да, Тейлор? – усмехнулся Джек, потягиваясь в кресле. Он только вернулся с утреннего обхода, но вместо привычного перекуса должен был участвовать в сборище из-за перевода пациентки.

Месье Дюваль пришел в качестве комиссии, занимал любимое кресло Ричардсона, то и дело перекладывая документы, как пасьянс. В перерывах между этим старикан внимательно наблюдал за Уильямом, пока не собираясь что-либо подписывать. Стоун в этот раз не пригласили – достаточно его решения, чтобы сделать какие-либо выводы.

– Мой вердикт – посттравматическое стрессовое расстройство, – абсолютно спокойно произнес Уильям, держа ладони на белой папке – результатах вчерашнего тестирования и документах из клиники, где Флоренс находилась из-за черепно-мозговой травмы.

– Стрессовый, значит? – Джек снова потянулся. Сейчас бы он с большим удовольствием прошелся по территории, заигрывая с хорошенькими медсестрами, нежели слушал лекцию Тейлора. Работать совершенно не хотелось.

– Я не использую эти любительские названия, – поморщился Уильям. – Все признаки налицо. В карточке Флоренс видно изменения гиппокампа – это первый аргумент. Также я отметил чувствительный слух – она вздрагивает от обычного тембра голоса или звука шагов, для нее они сейчас слишком громкие. Тестирование показало высокий уровень тревоги, могу предположить – как следствие аварии. Пациентка пережила реальную угрозу жизни – как с объективной, так и субъективной точки зрения. Я считаю, что галлюцинации вызваны не столько черепно-мозговой травмой, сколько стремлением психики отгородиться от реальности и происходящего. Также стоит отметить сильное чувство вины, которое сформировалось за счет травмирующего события*.

– То есть, никаких признаков шизофрении? – уточнил Дюваль.

– Абсолютно, – Уильям прошелся от стола до двери, продолжая на ходу. – Пациентка в сознании, ориентируется в пространстве, мышление адекватное. Единственное, что может быть общего с шизофренией – галлюцинации, но это слишком общий симптом для назначения диагноза или лекарств.

– А как же истерика в день поступления? – старикан не мог не упомянуть отчет Стоун.

– Сработал триггер, – парировал Уильям. – С момента травмирующего события прошло меньше месяца – мы получили пациентку с острым посттравматическим, еще не перешедшим в хронику. Для больных с посттравматическим характерны флешбеки и триггеры, которые напоминают о травмирующих событиях и заставляют их переживать критические моменты заново.

– Я предлагаю перевести ее в наше отделение, – вставил Джек, замечая, что Дюваль, как всегда, слушает только Уильяма. – Назначим сорок миллиграмм гидроксизина, когнитивно-бихевиоральную терапию у доктора Тейлора и разрешим прогулки. Может, захочет заняться садоводством, трудотерапия полезна в комплексе с медикаментозной поддержкой. Тем более, у нас сейчас есть свободные места, мы не так заполнены, как тяжелое отделение, пребывание в котором не может оказать пациентке должную помощь.

– Хорошо. Я согласен, – буркнул Дюваль, подписывая документ о переводе. – С обеспечением сами разберетесь.

– Да, конечно! – улыбнулся Джек, наблюдая, как старикан наконец-таки покидает кабинет. Дождавшись, пока его шаги затихнут, метис расхохотался.

Уильям посмотрел на него с неприкрытым удивлением, явно не замечая очевидного.

– Сними блески с лица, доктор! – расхохотался Ричардсон снова, показывая коллеге на патчи, что тот забыл снять с самого утра.

Тейлор шумно выругался, отделив золотые полоски. Под глазами сияли два белоснежных пятна.

– Я же главная звезда в больнице! – рассмеялся мужчина, осознавая комичность ситуации.

– Смотри не ослепи никого по дороге своим сиянием, – улыбнулся Джек. – Терапию можем начать с сегодняшнего вечера, схему лекарств я оставляю Розе.

– Думаешь, что давать сразу сорок миллиграмм – хорошая идея? – Уилл уже ни раз видел, как побочные эффекты от лекарств губили здоровье пациентам. Учитывая то, что новая жительница отделения достаточно молода и недавно пережила сильный стресс, любая дозировка может оказаться ошибочной.

– А мы и не будем давать сразу. Первые два дня по половинке таблетки на ночь, потом – добавим утром, и еще через несколько дней – полную дозировку, – Джек посмотрел на своего товарища сверху вниз. В его взгляде так и читалось «Ты дурак?».

– Я не хотел бы сегодня начинать курс, – едва не простонал Уильям. Он не испытывал удовольствия от того, что ему придется возиться с новенькой, которую он с самого начала не хотел брать под свою ответственность. Но желание помочь победило – и теперь Тейлор обязан сделать все, что в его силах. Начинать терапию сходу в его планы не входило. – Дай мне и пациентке день отдыха.

– Как откажешь нашему солнышку-светилу, – усмехнулся Джек. – Забери ее вместе с Розой и возвращайся. Я такую игру новую скачал, как раз на двоих! Поиграем в свободное время!

– Ладно, – улыбнулся мужчина, прежде чем покинуть кабинет с документами. Утро было не таким тяжелым, как предыдущее – ему удалось неплохо выспаться, тесты Флоренс заняли не так много времени, как он предполагал, а погода радовала и не навевала дурных мыслей.

Роза уже ерзала на стуле от нетерпения, и как только она заметила Тейлора, сразу же подскочила.

– Ну что, будет новенькая? – во взгляде медсестры так и сквозило «Ну, ну, скажи да, скажи!».

– Идем забирать, – улыбнулся Уильям.

– Я так рада, я так рада! – просияла девушка и почти подпрыгнула. – У нас и поспокойнее, и уютнее, и кормят лучше, и есть с кем поговорить... Поселим ее с Джулией! Она на самом деле очень милая и переживает, что ее никто не замечает, будет с кем поговорить! Да и рисовать она любит, устроим негласную арт-терапию!

– Конечно, – Уильям медленно шел к выходу, слушая, как Роза продолжает щебетать.

– А еще у нас есть пустые клумбы под окнами, можно посадить тюльпаны! Я обожаю тюльпаны! Вот Вы, доктор, любите цветы? Я люблю! Можно попробовать георгины или гиацинты, я слышала, что они не такие капризные! Что-то, что подходило бы для начинающих садоводов! А если еще и фонтанчик прикупить в отделение, так уютно станет, так уютно!

Мужчина молча кивал на все заявления, не торопясь войти в главное здание.

Это утро было теплым и солнечным, и если бы не окружение, то сладковатый запах цветущих деревьев унес бы мысли далеко-далеко, туда, где текут ручьи по лавандовым склонам, а девушки собирают в корзинки лечебные травы. Изумрудные кроны шептали кому-то свои песни, замолкая, когда южный ветер пробегал по тропинкам и играл с мелкими камушками, что застревали между растений.

Из столовой для персонала пахло молочной рисовой кашей. Уильям не любил завтракать подобным – он бы предпочел кусочек камамбера и тост, но подобных изысков даже для него не подавали.

Когда Тейлор зашел вместе с Розой в здание, он встретился с привычной тишиной.

Их шаги разносились по этажам – легкий звон маленьких туфелек девушки и равномерный стук ботинок мужчины.

Дверь в нужное отделение открыла тучная санитарка. Ее лицо исказилось от злобы, морщины на лбу выстроились в ровную линию, но когда она заметила, что пришел вышестоящий персонал, то тут же скривила губы в улыбке.

– Мадам Стоун ждет Вас, – просипела женщина.

– Отлично, – кивнул Уильям. – Рози, сходи с этим листом за вещами пациентки. Я должен закончить оформление перевода.

– Конечно, – медсестра моментально упорхнула, оставляя приторный запах духов.

– Мадам? – мужчина постучал, прежде чем войти в кабинет.

– О, пришел забрать-таки девчонку? – усмехнулась Стоун, даже не поднимаясь со стула. – Это хорошо, мороки меньше. Уже сверху из-за нее звонили, требуют выписать до конца лета.

– Я выпишу ее тогда, когда сочту нужным, – Уильям положил папку на стол и придвинул поближе последний документ, необходимый для перевода.

Женщина молча его подписала, после чего поморщилась.

– Оказывается, она работает на дочку Уордсона, и эта мелкая дрянь требует выпустить свою помощницу как можно скорее. Угрожает, что срежет нам все финансирование и по кирпичам здания разберет, а нас оставит без работы. Мы, видите ли, удерживаем силой ее работницу.

– Виктория Уордсон? Я разберусь, – кивнул Уильям. Он хотел что-то еще сказать, но крики в коридоре заставили его выйти раньше.

– А я говорю – вернулась в отделение! Никто тебя никуда не переводил! – орала тучная санитарка, трясая Корнелию за плечо. Растерянная девушка смотрела на Рози, которая в этот момент ругалась с другой медсестрой, утверждая, что у нее есть все распоряжения и они не имеют право удерживать кого-то.

– Что здесь происходит? – поморщился Тейлор, мысленно отметив, что санитары с пациентами ведут себя паршиво. Если они такое позволяли себе, зная, что их могут услышать, то что происходит, когда двери запираются?

– Эта девчонка утверждает, что ее переводят к Вам! – взвизгнула санитарка.

– Да, я ее забираю в свое крыло. Корнелия, Вы собрали свои вещи? – обратился Уильям к пациентке, заслоняя ее собой от остальных. Рефлекс сработал быстрее, чем он понял, что держит ее за руку.

– Последнее не отдают, – прошептала она и подняла взгляд. И на секунду Тейлору показалось, что они знакомы уже тысячу лет – васильковое марево дрожало от боли и страха, и внезапное желание защитить ее промелькнуло в воздухе, но тут же растворилось.

Медсестра, которая минуту назад кричала на Рози, молча всунула ей в руки прозрачный пакет – паспорт, водительские права и телефон Флоренс.

Возмущенные сотрудницы отделения тут же удалились, не вступая в новые споры. Их рычание затихло в конце коридора.

– Познакомься – это Рози, она главная медсестра в нашем отделении. Если тебе что-то понадобится – ты всегда можешь к ней обратиться. Обещаю, кричать или ругаться она не будет, – Уильям попытался разрядить обстановку, чувствуя, как Корнелию трясет.

Рози моментально оказалась рядом и улыбнулась.

– Я люблю людей! – выдохнула она с такой неприкрытой радостью, что Корни невольно усомнилась в ее здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.